

РОЛЬ ТУРЦИИ В ЧЕРНОМОРСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДУАЛИЗМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА И КОНКУРЕНЦИИ

Баранова Анна Евгеньевна

аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, г. Москва
annbaranovaa@mail.ru

TURKEY'S ROLE IN THE BLACK SEA POLICY OF THE EUROPEAN UNION: THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE DUALISM OF STRATEGIC PARTNERSHIP AND COMPETITION

A. Baranova

Summary: The history of international relations in the Black Sea region demonstrates the special dynamics of cooperation between Turkey and the European Union. Since the end of the XX – beginning of the XXI century, the region has been acting as a key center of geopolitical transformations, where the interests of the European Union, the organizations of the North Atlantic Alliance, the Russian Federation, Turkey, and several other regional and global players are forming. After 2022, the region's importance has increased dramatically: it has become not only a zone of military and political confrontation, but also a space for reorientation of energy and trade routes. The purpose of this study is a historical and political analysis of the evolution of Turkey's role in the Black Sea policy of the European Union: from a strategic partner in ensuring security and energy stability to a tactical competitor defending its own "strategic autonomy". Special attention is paid to the application of the 1936 Montreux Convention on the Regime of the Straits as a historically established mechanism for Turkey's control over the regime of the Black Sea Straits, as well as to the analysis of Ankara's energy and diplomatic potential in the context of the post-war and post-crisis policies of the European Union. The results of the study show that the partner–competitor dualism is not a temporary phenomenon, but a natural consequence of the historical evolution of Turkish foreign policy towards Europe.

Keywords: history of international relations, Black Sea region, Turkey, Montreux Convention, European Union, energy policy, strategic autonomy, grain initiative, competition.

Аннотация: История международных отношений в Черноморском регионе демонстрирует особую динамику взаимодействия между Турцией и Европейским союзом. С конца XX – начала XXI века регион выступает как ключевой центр геополитических трансформаций, где формируются пересечения интересов Европейского союза, организаций Североатлантического альянса, Российской Федерации, Турции и ряда других региональных и глобальных игроков. После 2022 года значение региона резко возросло: он превратился не только в зону военно-политического противостояния, но и в пространство переориентации энергетических и торговых маршрутов. Цель данного исследования – провести историко-политический анализ эволюции роли Турции в черноморской политике Европейского союза: от стратегического партнера по обеспечению безопасности и энергетической стабильности до тактического конкурента, отстаивающего собственную «стратегическую автономию». Особое внимание уделено применению Конвенции Монтрё о режиме проливов 1936 года как исторически сложившегося механизма контроля Турции над режимом Черноморских проливов, а также анализу энергетического и дипломатического потенциала Анкары в контексте послевоенной и посткризисной политики Европейского союза. Результаты исследования показывают, что дуализм «партнер – конкурент» является не временным феноменом, а закономерным следствием исторической эволюции турецкой внешней политики в отношении Европы.

Ключевые слова: история международных отношений, черноморский регион, Турция, Конвенция Монтрё, Европейский Союз, энергетическая политика, стратегическая автономия, зерновая инициатива, конкуренция.

Введение

Черноморский регион на протяжении XX–XXI вв. последовательно переходил из периферийной зоны интересов европейских держав в один из ключевых узлов мировой политики, где переплетаются процессы деколонизации, холодной войны, постбиполярных трансформаций и современных конфликтов [2, 3, 7, 11, 15]. Турецкая Республика (далее – Турция, Анкара) в этом контексте выступает не только географическим,

но и историко-политическим узлом системы (речь идет прежде всего о контроле над проливами, закрепленном в Конвенции Монтрё о режиме проливов (далее – Конвенция Монтрё)) [12], а членство в Организации Североатлантического договора (далее – НАТО), амбивалентные отношения с Европейским союзом (далее – ЕС, Брюссель) и устойчивые связи с Российской Федерацией (далее – Россия) формируют особую конфигурацию её внешней политики, сложившуюся в процессе исторического развития отношений с европейскими державами,

Россией и институтами международной системы.

После 2022 года значение Черноморского региона вновь резко возросло, и Турция получила возможность актуализировать заложенный многими годами ранее ресурс контроля над проливами и морской инфраструктурой [6, 8, 9]. Одновременно Анкара продолжила политику, направленную на превращение в энергетический хаб, усилив роль проектов Трансанатолийского газопровода – Трансадриатического газопровода (далее – TANAP-TAP)[4] и трубопроводов «Турецкий поток» и «Голубой поток», а также выступила медиатором в Черноморской зерновой инициативе (далее – зерновая инициатива), что позволило ей в ходе исторического развития сочетать в своей внешней политике функции партнера и конкурента ЕС, формируя многогранную и динамичную позицию.

В этой связи исследование дуализма роли Турции в черноморской политике ЕС в исторической перспективе дает возможность не только проанализировать современное политическое устройство, но и проследить, как институты и практические механизмы, заложенные в 1930–1950-е годы, продолжают влиять на стратегические возможности и внешнеполитические ограничения как Анкары, так и Брюсселя.

Методология исследования

Методологическая основа работы строится на принципе историзма, предполагающем рассмотрение роли Турции в Черноморском регионе в динамике – от межвоенного периода до современности. В исследовании применяется историко-сравнительный метод, который позволяет сопоставить различные этапы черноморской политики Турции (межвоенный период, холодная война, постбиполярный этап, кризис после 2014 года и период после 2022 года) и их корреляцию с подходами ЕС и его институтов. Черноморский регион рассматривается системным подходом как целостная подсистема международных отношений, где изменения в сфере безопасности (военно-морское присутствие, режим проливов) взаимосвязаны с энергетическими и торговыми процессами. Методы анализа и синтеза используются для декомпозиции роли Турции на компоненты стратегического партнерства, посредничества и конкуренции, а затем для синтеза этих элементов в модель управляемого дуализма. Индукция применяется для прослеживания конкретных практик применения Конвенции Монтрё, реализации энергетических проектов и посреднических инициатив, а дедукция используется для проверки гипотезы о том, что дуализм роли Турции является устойчивым историческим феноменом, а не результатом одноmomentного кризиса 2022 года.

Результаты и обсуждение

Роль Турции как ключевого субъекта регулирования Черноморских проливов институционально оформляется Конвенцией Монтрё 1936 года, которая заменила Лозаннский мирный договор 1923 года и закрепила за Анкарой суверенный контроль над военным судоходством в мирное и военное время. Именно этот документ заложил долгосрочный фундамент для будущего дуализма: Турция одновременно становится гарантом свободы торгового судоходства и арбитром по допуску военных кораблей нечерноморских держав.

С исторической точки зрения Конвенция Монтрё превратила Черноморский регион в пространство ограниченной милитаризации, где контроль Турции служил своеобразным «предохранителем» от внезапного усиления внешнего присутствия, в том числе держав, ассоциируемых с ЕС [17, 18]. Именно поэтому и в последующие десятилетия, включая холодную войну и постбиполярный период, любые попытки пересмотра этого режима встречали устойчивое сопротивление Анкары, которая видела в Конвенции Монтрё один из немногих международных инструментов сохранения автономии.

После вступления в НАТО в 1952 году [5] Турция стала восточным форпостом западного блока на границе с СССР, что придало её роли в Черноморском регионе новое измерение. С точки зрения истории международных отношений, именно в этот период оформляется модель, при которой Турция – формальный союзник Запада, но все равно действует в рамках ограничений Конвенции Монтрё, не допуская полной интеграции Черного моря в атлантическую систему безопасности.

Такая «двойственность» – членство в НАТО при сохранении самостоятельности в вопросах проливов – стала одним из ранних проявлений того дуализма, который в XXI в. будет переосмыслен в терминах «стратегической автономии» и «управляемой конкуренции» с ЕС [16].

Распад СССР и расширение ЕС на восток в 1990–2000-е годы трансформировали черноморскую повестку: на смену жесткому блоковому противостоянию пришли проекты регионального сотрудничества, в которых Турция стала важным участником. Анкара активно подключилась к инициативам Черноморского экономического сотрудничества и одновременно развивала диалог с ЕС в рамках политики расширения и европейской политики соседства, что усилило её роль как моста между Европой, Кавказом и Ближним Востоком [1, 14].

На этом этапе дуализм проявлялся в сочетании курса на европейскую интеграцию (переговоры о членстве, сближение правовых норм, модернизация таможенно-

го союза) с намерением сохранить самостоятельность во внешней политике, включая отношения с Россией и странами постсоветского пространства.

Украинский кризис 2014 года и события 2022 года придали черноморской политике новый масштаб: регион стал пространством прямой конфронтации между Россией и западными странами. В этих условиях Турция, опираясь на исторический ресурс Конвенции Монтрё, ограничила проход военных судов и тем самым предотвратила «размывание» режима Черного моря усилением постоянного присутствия сил НАТО.

Именно в 2022 году дуализм Турции проявился наиболее отчетливо: Анкара, оставаясь союзником по НАТО и партнёром ЕС, применяет положения Конвенции Монтрё для сдерживания распространения конфликта и одновременно выступает медиатором в зерновой инициативе, а параллельно углубляет энергетическое сотрудничество с ЕС и сохраняет проекты с Россией.

Такая «двойственность» – членство в НАТО при сохранении самостоятельности в вопросах проливов – стала одним из ранних проявлений того дуализма, который в XXI в. будет переосмыслен в терминах «стратегической автономии» и «управляемой конкуренции» с ЕС.

История применения Конвенции Монтрё показывает, что Турция использует её не только как юридическую норму, но и как политический ресурс, позволяющий регулировать степень вовлеченности внешних держав в Черном море. В разные периоды Анкара по-разному интерпретировала и акцентировала положения Конвенции Монтрё, однако неизменно сохраняла её как фундаментальный элемент своей внешнеполитической идентичности в регионе.

После 2022 года Турция, ссылаясь на статью 19 Конвенции Монтрё, ограничила проход военных кораблей сторон конфликта и нечерноморских держав, что было воспринято как шаг по снижению риска эскалации и выхода конфликта за пределы Украины. Для ЕС это означало сохранение доступа к Черноморскому региону в контролируемом формате, а для России – ограничение возможностей наращивания присутствия внешних сил. В обоих случаях Турция выступила исторически закреплённым гарантом безопасности.

Вместе с тем, в историко-политическом измерении Конвенция Монтрё – это и потенциальный инструмент давления: Турция может варьировать степень строгости интерпретации режима проливов, сигнализируя Брюсселю и России о границах допустимого вмешательства. Такой подход усиливает дуализм: Турция одновременно транслирует образ ответственного хранителя статус-кво

и демонстрирует возможность переопределения параметров доступа в Черное море в зависимости от своих интересов.

Однако ключевой осью, по которой эволюция роли Турции в отношениях с ЕС проявилась наиболее явно, стала энергетика. С начала 2000-х годов Анкара реализует стратегию превращения в транзитный узел между ресурсными регионами Каспия и Ближнего Востока и потребителями в ЕС, а основу этого курса составляют проекты Южного газового коридора, включающие TANAP и TAP.

Запуск TANAP–TAP позволил поставлять азербайджанский газ в ЕС, обходя традиционные российские маршруты, что придало Турции новый статус в ЕС. Так, из периферийного партнёра Турция превратилась в ключевого участника стратегии диверсификации поставок. После 2022 года значимость этих маршрутов резко возросла в контексте реализации плана Европейской комиссии по отказу от потребления российского ископаемого топлива (далее – REPowerEU) [13], направленного на снижение и замещение импорта российского газа.

Одновременно с этим Турция исторически выстраивала глубокую энергетическую связку с Россией: магистрали «Голубой поток» и «Турецкий поток» обеспечивали стабильные поставки газа, а проект АЭС «Аккую» укрепил долгосрочное технологическое и инвестиционное присутствие России. В результате Турция оказывается в уникальном положении: она участвует в европейской стратегии диверсификации и одновременно остается важным рынком и транзитным звеном для российских энергоресурсов [1, 10].

С точки зрения истории международных отношений это означает переход от модели прямой зависимости (классический потребитель – поставщик) к конфигурации многосторонней взаимозависимости, в которой Турция выступает посредником и балансирующим игроком. Конкуренция с Россией на энергетическом рынке ЕС сочетается с сохранением глубокой взаимозависимости, что позволяет Анкаре использовать энергетику как инструмент расширения переговорных позиций в отношениях с Брюсселем и Москвой.

Энергетический фактор усилил значение Турции в дискурсе о модернизации таможенного союза с ЕС, поскольку Анкара стремится конвертировать роль энергетического хаба в расширение доступа к внутреннему рынку ЕС и смягчение визового режима. Для ЕС же Турция становится одновременно необходимым партнёром в достижении целей REPowerEU и потенциальным источником рисков из-за автономной политики Анкары в отношении России, Ближнего Востока и постсоветского

пространства.

Таким образом, в энергетике дуализм проявляется как «управляемая конкуренция»: Турция содействует диверсификации маршрутов ЕС, частично вытесняя российские поставки, но не разрушает, а трансформирует собственную взаимозависимость с Россией, используя это как ресурс влияния.

Зерновая инициатива, реализованная при участии Турции и при участии Организации Объединенных Наций (далее – ООН), стала новым элементом в истории международных отношений в Черноморском регионе, сочетающим военно-политическую и гуманитарно-экономическую повестку. Анкара выступила медиатором между Россией и Украиной, обеспечив временное разблокирование экспорта зерна и удобрений, что стабилизировало мировые продовольственные рынки и снизило риски глобального кризиса.

Историческое значение этой инициативы заключается в том, что Турция переопределила свое посредническое амплуа: если в XX в. она в основном выступала военно-политическим балансирующим фактором между блоками, то в XXI в. добавилось измерение гуманитарного и продовольственного посредничества. Это расширяет инструментарий внешней политики Анкары и усиливает её переговорные позиции как перед ЕС и НАТО, так и перед Россией.

Однако, прекращение действия зерновой инициативы продемонстрировало ограничения в стабилизирующей роли Турции, заключающиеся в том, что без политической воли ключевых сторон даже усиленная историческими ресурсами посредническая функция не может устранить структурные противоречия. Тем не менее, опыт зерновой сделки закрепил за Турцией образ незаменимого переговорного узла, что усилило её роль в архитектуре черноморской безопасности.

Исторический анализ показывает, что дуализм роли Турции в черноморской политике ЕС является результатом длительного и сложного процесса, в котором накладываются друг на друга разные временные пласты. Так, Конвенция Монтрё создаёт долгосрочный институциональный каркас, позволяющий Турции выступать гарантом статус-кво и контролировать военное присутствие отдельных стран. Холодная война сформировала умение Турции как политического игрока балансировать между союзническими обязательствами и сохранением автономии в вопросах проливов. Постбиполярный период укрепил экономические и институциональные связи Турции с ЕС, но не отменил стремление к собственной

региональной повестке.

Кризисы после 2014 и 2022 гг. вскрыли потенциал Турции как одновременно стабилизатора (ограничение прохода военных судов, посредничество в зерновой инициативе) и тактического конкурента (энергетическая автономия, сотрудничество с Россией, развитие альтернативных региональных форматов).

В совокупности это позволяет говорить о «стратегически выверенном» дуализме: Анкара не отказывается ни от партнёрства с ЕС, ни от конкуренции с ним, а использует исторически накопленные инструменты (Конвенцию Монтрё, энергетические маршруты, посредничество) для постоянного пересогласования баланса интересов.

Заключение

В статье проведен историко-политический анализ эволюции роли Турции в черноморской политике ЕС, позволяющий рассматривать её дуализм «стратегический партнер – тактический конкурент» как устойчивый, исторически сформированный феномен, а не как следствие одномоментных кризисов XXI века. Показано, что ключевые элементы внешнеполитического инструментария Турции, такие, как Конвенция Монтрё, участие в энергетических проектах и посреднических инициативах выстраиваются в непрерывную линию от межвоенного периода до современности, трансформируясь, но не теряя своего значения.

Конвенция Монтрё одновременно закрепляет за Турцией функцию стабилизатора и предоставляет ресурс для тактического давления на внешних игроков на политической арене, включая ЕС, посредством регулирования военно-морского присутствия. Энергетический хаб, построенный на сочетании проектов TANAP-TAP, «Турецкий поток» и АЭС «Аккую» усиливает переговорные позиции Анкары в вопросах модернизации Таможенного союза и доступа к рынку ЕС, но не отменяет, а реорганизует взаимозависимость с Россией.

Таким образом, историческая перспектива позволяет увидеть в черноморской политике Турции не хаотичный набор противоречивых шагов, а последовательную стратегию, опирающуюся на институциональное наследие XX века и адаптирующуюся к новым вызовам XXI века. Для России понимание этой эволюции имеет принципиальное значение: позволяет оценивать не только текущие, но и потенциальные сценарии изменения баланса сил, режимов доступа в Черное море и конфигурации энергетических потоков в условиях дальнейшего развития политики ЕС и Турции в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гюзалтан О.С. Отношения Турецкой республики и Российской Федерации в свете реалистичного подхода к концепции многополярности // Русская политология. 2024. №1 (30). С.65-71
2. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. №1. С.7-22
3. Ирхин А.А. Модели функционирования режима Черноморских проливов: 1783-2018 гг. И национальные интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. №3. С.70-80
4. Марков А.А., Терехова А.В. Россия и Турция: энергетический вектор сотрудничества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №2–1 (101). С.125-128
5. Мошкин С.В. «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2009. Т. 5. № 4. С. 245–253.
6. Мошкин С.В. Дипломатическая война за черноморские проливы в 1944-1946 годах // Дискурс-Пи. 2016. №1. С.112-116
7. Наринский М.М. Советское руководство: проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 годах // Вестник МГИМО. 2008. №3. С.3-13
8. Поспелов Н.В. Проблема Черноморских проливов в отношениях России и Турции: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. №2 (855). С. 63–67
9. Рощина Л.Н., Солёная С.В., Дыхлин Е.Ю. Морские порты как субъекты международной конкуренции в черноморском регионе // Вестник РГЭУ РИНХ. 2025. №1. С.183-193
10. Сатылмыш М.Г. Энергетическая политика Турции в Черноморском регионе // Международные отношения. 2025. №2. С.112-124
11. Челикпала М., Татлыоглу Э. Черноморская политика Турции в области энергетической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2023. - Т. 23. - №4. - С. 748–761.
12. Монтрё, 20.07.1936 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51475/ (дата обращения: 14.12.2025)
13. REPowerEU Plan. European Commission. 2022. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_3537 (дата обращения: 16.12.2025).
14. Turkey's Evolving Geopolitical Strategy in the Black Sea / Foreign Policy Research Institute. 2024. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.fpri.org/article/2024/12/turkeys-evolving-geopolitical-strategy-in-the-black-sea/> (дата обращения: 14.12.2025).
15. Atlantic Council. A Sea of Opportunities: Exploring cooperation between Turkey and the West in the Black Sea Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/385695763_A_Sea_of_Opportunities_Exploring_cooperation_between_Turkey_and_the_West_in_the_Black_Sea (дата обращения: 14.12.2025).
16. EU Strategic Approach Black Sea Strategy. European Commission. 2025. Электронный ресурс. Режим доступа: https://enlargement.ec.europa.eu/document/download/170d9b3a-d45f-4169-80fa-9adb753c0921_en?filename=EU+Strategic+Approach+Black+Sea+Strategy.pdf (дата обращения: 15.12.2025).
17. Desurmont J.M. Montreux Convention, Bosphorus Strait and the Making of Naval Power in the Black Sea. BISI. 2025. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://bisi.org.uk/reports/montreux-convention-bosphorus-strait-and-the-making-of-naval-power-in-the-black-sea> (дата обращения: 15.12.2025).
18. Marian Karagyozov. Turkey's energy strategy for the Black Sea. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://balkanresearchers.net/publications/turkey-energy-strategy-for-the-black-sea.pdf> (дата обращения: 16.12.2025).

© Баранова Анна Евгеньевна (annbaranova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»